

СТАРИКИ

Этим очерком мы представляем сегодня нашего нового собственного корреспондента по Среднему и Нижнему Поволжью Геннадия Шабанова.

ОНИ и вправду уже старики: ему — восемьдесят два, ей — семьдесят шесть...

Оскар Осипович почти не выходит из дому, и все дела теперь на Татьяне Ниловне. Она же доставляет и дневную «порцию информации». Каждое утро Татьяна Ниловна берет свою палочку и уходит «в город». Маршрут давно очерчен и редко нарушается: дом — близлежащий магазин — газетный киоск — дом.

Они живут у самой Волги, в маленьком деревянном домике, каких немного осталось в городе. Мебель тут небогатая, купленная еще в начале века — как привезли однажды на извозчике, так и не меняли больше.

Вообще все в этом доме старое: и сам дом старый, и хозяйка его старые, и мебель, и афиши, наклеенные на стену, и фотографии Оскара Осиповича в разных спектак-

лях. Даже тишина в доме старая. Раньше ее каждые полчаса разгоняли огромные старинные часы, бившие с перезвоном. Теперь их убрали, и впервые вошедшему кажется, что дом совсем отгородился от времени.

...В праздничные дни почтальон принес в этот дом 52 письма. И все они начинались одинаково: «Дорогие Оскар Осипович и Татьяна Ниловна!».

* * *

НЕКОТОРОЕ время назад в маленьком театре провозжали на пенсию актера. В событии этом не было бы ничего примечательного, если бы не одно обстоятельство: актер сам уходил из театра.

Многие тогда посчитали это за чудачество, многие вовсе отказывались понимать, но и те, и другие одинаково не хотели верить объяснению, которое давал сам актер.

Объяснение в самом деле звучало странно. Актер уходил, чтобы вести студию при Дворце пионеров, который и располагался-то, между прочим, недалеко от театра.

Однако, какие ни велись разговоры, а все пошло своим чередом. Вечером дан был банкет, много сказано теплых, хороших слов, а наутро расклейщики афиш заклепили его фамилию узенькой полоской бумаги. Оскар Осипович Марков больше не вернулся на сцену...

И ВОТ теперь, много лет спустя, я пытаюсь подвести итог этому добровольному «изгнанию». Длинный список фамилий... Те, кто прошел через его руки. Сначала — во дворце, потом — дома. Состоявшиеся...

Володя Кузенков... Кажется, он был первым. Главный режиссер Павлодарского драматического театра... Аня Брыткова, Лида Евстигнеева — актрисы Куйбышевского тюза... Артур Хайкин — режиссер Омского драматического... Герман Юшко — был актером в «Современнике», сейчас — в ЦТСа... Гена Качкажаров — мхатовец... Вася Со-

болев — Днепропетровский драматический... Валя Червяков — начал в ЦДТ, теперь, кажется, в филармонии... Толя Александров, последний из «дворцовских», — в Кировском драматическом...

Кто-то из них однажды сказал: «А ведь мы, Оскар Осипович, целую труппу можем выставить». И это не было преувеличением, могли бы выставить целую труппу — с режиссерами, заплатами...

И все же пока это только профессиональный итог. Так сказать, фиксация способностей учителя. Хотя процент «попадания» и здесь необычен — почти все время в «яблочко». Каждый год он отбирал в студии четырех-пятирех самых способных и велел им приходить к нему каждый день домой. Занимался до позднего вечера, по нескольку часов кряду. Потом они уезжали в Москву, и, как правило, происходило чудо: их принимали.

С годами в Москве образовалось что-то вроде своего землячества. «Я живу сейчас в одной комнате с моими земляками, с моими друзьями по дворцу, одним словом, с на-

шими, — писал Володя К. — Это помогает. Я люблю здоровых людей... духовно здоровых, чистых. По-моему, наши все такие».

Может быть, это вот и было главным? Главным итогом... «Я очень жалею, что не застал Вас дома, когда приезжал проститься. Я не услышал отцовского (Вы разрешите мне так) благословения... Я всегда считал Вас моим главным учителем в жизни, и Ваше слово всегда было решающим в моих сомнениях... Вы, может быть, не сделали еще из меня человека, но Вы наметили пунктирные линии. Вы, если можно так сказать, заложили во мне человека... и я даю слово, что Ваши труды не зря вложены, — я стану им».

Это написал человек, который не стал актером. Но он сдержал слово — он стал человеком. И их много оказалось, таких, ставших «просто людьми», тут тоже целый список...

Эля Михайлова... В доме у Оскара Осиповича — книжка переведенных ею корейских сказок: «Дорогим Оскару Осиповичу и Татьяне Ниловне...». Миша Гиршман, бывший «дворцовский» Хлестаков, сейчас доцент Донецкого университета, кандидат филологических наук... Таня Осетрова — преподаватель Куйбышевского энергетического

техникума, до сих пор ведет там самостоятельность... Коля Титов — старший инженер «Оргэнергостроя», отчаянный КВН-щик... Олег Штейнмардер — главный инженер треста... Рита Кадрова — учительница... Зиновий Кирсанов — кандидат юридических наук...

Я видел их однажды зимой после спектакля во дворце. Шла огромная, растянувшаяся на квартал толпа, человек пятьдесят. Они все были молоды, смеялись, шутили, мешали прохожим. Падал снег, крупный и тихий. И в центре был он, со всех сторон облепленный возбужденными, розовыми лицами. Это они провозжали его до дома, через весь город...

Они и сами не знали в тот день, кто будет актером, инженером, переводчиком, учителем. Они были его учениками... И театр, который он открыл им, навсегда остался для них первой любовью. Они пронесли ее через годы, она согрела им жизнь, и в письмах их до сих пор много грусти, почти тоски. «...Каждый Новый год я вспоминаю наши елки. Неужели мне так никогда и не придется побывать во дворце? Счастливые Олег и Женька — они все еще играют во дворце...».

«Счастливые Олег и Женька» давно уже окончили школу, стали взрос-

слыми, семейными людьми, и играли дедов-морозов...

Трудно сказать, чем он привязывал их к себе. Он не был строг. Сдержанный по натуре, даже тихий, он и на занятиях своих был терпелив и мягок. А может быть, в этом-то и все дело — он ни к кому «не лез». Интеллигентность его была бескорыстна, ненавязчива. Известно немного случаев — два или три всего, — когда он вдруг вспыхивал и обрушивался на человека.

Однажды это случилось с Н. Он был к тому времени признанным лидером студии. Великолепно сложенный, с красивым, вдохновенным лицом, он словно был создан на роли «любовников» и «героев». Человек со вкусом, талантливый, Н. быстро шел в гору, ни у кого не было сомнений, что он поступит в ГИТИС. И Оскар Осипович «готовил» его, много занимался с ним, любил его, мало сказать — обожал, как сына.

Все было бы хорошо, но юность есть юность. Первая слава и первый успех вскружили Н. голову. Внезапно все стало вызывать в нем недоверие и подозрительность, он начал опаздывать на репетиции, а то и пропускать их, что было совсем уж немыслимым делом у Оскара Осиповича, позволял себе

аступать в пререкания. И вот однажды, во время очередного каприза, Оскар Осипович «сорвался».

Не знаю, что там было, но много лет спустя этот человек, окончивший ГИТИС, поработавший актером в театре, сам ставший режиссером, сказал мне, вспоминая Оскара Осиповича: «Знаешь, что в нем самое ценное? То, что он внушил каждому из нас: в театре равны все. Актер для театра, а не театр для актера».

Другой его ученик, Миша К., будучи студентом ГИТИСа, писал об одном экзамене: «Перед показом я заболел гриппом. Температура, голос пропал. Но, чтобы не подводить ребят, я все-таки решил показываться... Наш отрывок шел первым во втором отделении. И началось... Сейчас и трудно вспомнить, и страшно. Потом сказали мне очень утешительные вещи. Во-первых, за полтора года я исправил дикцию. Говорил почти шепотом, но все было слышно. Во-вторых, я понравился худсовету, а в-третьих, показался в отрывке лучше всех. Это не бахвальство, просто это новые силы для дальнейшей борьбы за почетное звание актера».

В письме он подчеркнул эти слова. В жизни они прошли красной нитью для всех них. Актер — значи-

ло для этих ребят больше, чем профессия. Они вкладывали в это звание не только волнующую страсть романтики, но и высокие этические нормы, мягкую интеллигентность, ясность ума, скопированные со своего учителя. Актер — становилось для них идеалом человека, сводом жизненных правил. И ради этого они ломали в себе все — дурные привычки, личные слабости, черты характера, сами характеры.

ВСЕ их письма «домой» начинались одинаково: «Дорогие Оскар Осипович и Татьяна Ниловна!».

Это «и», однако, долгое время казалось мне знаком вежливости, благодарным «спасибо» за прошлый уют, а сама Татьяна Ниловна — доброй хозяйкой, не более. Встретить гостей, напоить чаем, расспросить, успокоить, помочь советом. Наконец, проследить за Оскаром Осиповичем.

На дворцовских спектаклях, куда Оскар Осипович каждый раз являлся после бессонной ночи, страшно взволнованный, Татьяна Ниловна неизменно была рядом, и в сумочке, которую она держала в руках, хранились успокаивающие капли. Впрочем, они всегда были вместе, порознь их и представить-то никто не мог. Что ж, для той роли,

которую сыграл их дом в судьбах столько людей, и это было немало...

И вдруг несколько лет назад в местном издательстве вышла ее книга о В. И. Ленине «Начало большого пути», и прежнее предствление рухнуло сразу, само собой. То есть все, конечно, осталось, как было: и добрая хозяйка, и чай, и советы, и заботы об Оскаре Осиповиче. Но ко всему этому добавился, потеснил все долгий, нелегкий труд.

Позже мы посчитали: она писала эту книгу 15 лет. Просиживала дни в архивах, рылась в старых документах, выуживала малоизвестные факты, копила литературу, ездила в Алакаевку, подробно изучала старую Самару. А потом десятки раз переписывала целые главы, отсылала в издательство, специалистам в Москву, снова переделывала... Было что-то стоическое в упорстве, с которым эта 60-летняя женщина писала свою первую книгу. Мало кто верил в конечный успех, да и сама она иногда не верила...

А книга все-таки вышла. Я видел потом десятки писем, присланных ее читателями: с благодарностью, с поздравлениями, с приглашениями — в школу, в библиотеку, на завод. И видел самое первое пись-

мо, на 14 страницах. Его написал К. Федин (оно вошло в 9-й том собрания его сочинений). «Уважаемая Татьяна Ниловна! Простите, что я подверг Ваше терпение такому долгому испытанию... Итак, «стоит» ли Вам писать дальше? Мне кажется, Вы не должны в этом сомневаться. Конечно, стоит. Я уже не говорю о ценности и обилии собранного Вами материала... Но, кроме того, Вы умеете хорошо рассказать — у Вас есть природное чувство речи...».

Что добавить к этому? Разве что сейчас, в семьдесят шесть лет, она готовит второе, более полное издание...

* * *

Мы привыкли торопить время. Век наш кажется неудержимо стремительным, пугающе сложным, неуравновешенным. Мир техники, атомов, механизмов, роботов...

Но потом вдруг оказывается, что он состоит из людей. Помните: «Вы, может быть, не сделали еще из меня человека, но Вы наметили пунктирные линии... и я даю слово, что Ваши труды не зря вложены...».

Это давно было написано. Теперь пунктирные линии соединились — человек вышел в мир.

Г. ШАБАНОВ.

г. КУИБЫШЕВ.